

Проснувшись на следующее утро, Гу Цзэ всё ещё прокручивал в голове вчерашнюю перепалку — если это вообще можно было назвать перепалкой. Он всё размышлял, как бы сегодня так половчее подловить Бай Шияня в споре, чтобы взять реванш.

Однако Бай Шиянь, похоже, совершенно забыл о ночном раздоре. Усадив Гу Цзэ за стол, он велел дожидаться завтрака.

На этот раз еда хотя бы отдалённо напоминала нормальную: пару тостов из цельнозернового хлеба, яичницу и стакан молока.

Покончив с трапезой, Гу Цзэ выдержал очередную процедуру перевязки и, семеня крошечными шажками, поплёлся к выходу.

Шёл четвёртый день после операции. Если честно, болеть стало только сильнее — особенно после визита в туалет, от которого Гу Цзэ готов был лезть на стену.

Адская боль скручивала так, что передвигаться удавалось лишь черепашьям шагом, осторожно переставляя ноги.

Бай Шиянь широкими шагами дошёл до лифта и застыл. Он не стал нажимать кнопку вызова, явно поджидая отстающего.

Кое-как выползая к лифту, Гу Цзэ дождался, пока хирург вызовет кабину. Почувствовав, что обстановка между ними относительно мирная, он собрался завести один важный разговор.

Но не успел он и рта открыть, как Бай Шиянь произнёс:

— После осмотра поднимешься в мой кабинет и подождёшь. В обед я отвезу тебя домой.

— Не стоит усложнять, — тут же отнекался Гу Цзэ. — Я и сам доберусь.

По дороге в больницу Гу Цзэ всё же сделал попытку заговорить:

— Слушай... а как мы посчитаем расходы? Ну, за жильё, за еду за эти дни?

Он помедлил, сглотнул и еле слышно задал вопрос, который мучил его ещё со вчерашнего дня:

— И ещё... Зачем ты вообще меня приютил?

Бай Шиянь не спускал глаз с дороги, словно полностью оглох.

Гу Цзэ, сидевший на пассажирском кресле, украдкой бросил взгляд на водителя.

Губы хирурга были сжаты в тонкую линию, подбородок очерчен сурово, на лице — ни единой эмоции.

«Вид у него, мягко говоря, свирепый...»

Гу Цзэ решил от греха подальше приткнуться и больше не злить своего водителя.

Лишь когда машина замерла на больничной парковке, Бай Шиянь соизволил ответить. Голос его звучал ледяно, к тому же он ограничился только первым вопросом:

— Свести со мной счёты собрался? Думаешь, сможешь всё рассчитать?

Гу Цзэ онемел.

Он помнил, как после их болезненного разрыва, вернувшись в город Х, где тогда учился, сгрёб все подарки Бай Шияня в одну кучу и отослал их обратно почтой, постаравшись вычеркнуть бывшего из жизни.

Но это была лишь капля в море. За три с лишним года отношений их счёты переплелись такими нитями, что распутать этот клубок было уже невозможно.

Выйдя с парковки, они разошлись в разные стороны. Гу Цзэ направился в колопроктологическое отделение, рассудив, что если подойти к самому началу приёма, то получится зайти первым.

Осмотр снова потребовал унижительной позы с задиранием зада. Врач взглянул на рану, остался доволен и бросил молоденькому ординатору:

— Пиши: заживление без осложнений. Назначить препараты, суппозитории...

Гу Цзэ молча натянул штаны, забрал рецепт и уже собрался уходить, когда доктор вдруг спросил:

— Вы с доктором Баем действительно неплохо знакомы?

— Да так... — уклончиво пробормотал Гу Цзэ. — Пересекались.

Врач усмехнулся:

— По-моему, тут не просто «пересекались». Он за тебя весьма переживает. Спецом ко мне приходил, расспрашивал о твоём диагнозе, откуда геморрой взялся, как протекает болезнь... Ещё и так намекал, дескать, присмотри за парнем получше.

У Гу Цзэ внутри всё перевернулось. Ощущение было паршивое и смутное.

— Кажется, вы близкие друзья, — вздохнул проктолог. — Поговори с ним, а? Скажи, чтобы так жили не рвал. Вчера отпахал несколько сложнейших операций подряд, под конец просто свалился без сил прямо в операционной и лежал там, пока не смог встать. А ведь наша пахота далеко не всегда встречает благодарность... Вчера в обед у него, видать, возникли какие-то срочные дела, он немного задерживался. Операции не сорвал, но родственники больного чуть жалобу на него не накатали.

На этот раз Гу Цзэ накрыло окончательно.

В обед... дела... задерживался...

Вчера в обед Бай Шиянь мчался домой, чтобы сделать ему перевязку. А он мало того что устроил перепалку, так ещё и каблучился, тянул время и огрызался.

Выйдя из кабинета, Гу Цзэ ощутил жгучую вину. Достав телефон, он набрал сообщение:

«Извини за вчерашний обед».

Цзэ: «Если ты занят, не надо рваться домой ради моих перевязок. Я и сам справлюсь».

Гу Цзэ подумал, что хоть это и будет непросто — всё-таки самому себе обработать рану сзади наощупь то ещё удовольствие — но он как-нибудь сдюжит.

Покинув поликлинический корпус, он на ковыляющих ногах добрался до кассы в главном холле, чтобы закрыть больничный счёт. Часть расходов перекрыла страховка, но из своего кармана пришлось выложить больше двух тысяч юаней.

Глянув на остаток на карте, Гу Цзэ мысленно помолился, чтобы профессор Ли проявил щедрость при выплате стипендии.

У ворот больницы он решил дойти до квартиры Бай Шияня пешком. Но вбив адрес в карту, обомлел: десять минут на машине превращались в сорок минут ходьбы.

В его нынешнем состоянии получасовая прогулка гарантированно закончилась бы в палате интенсивной терапии. Пришлось вызывать такси.

И лишь усевшись в салон, он осознал, насколько комфортным было сиденье в машине Бай Шияня. Жёсткий дерматин такси чуть не нанёс его ране повторную травму.

Выбираясь из машины, Гу Цзэ внезапно вспомнил: в квартире Бай Шияня мягкие подушки были разложены буквально повсюду.

Случайность? Или... он сделал это намеренно?

Вернувшись в квартиру на автопилоте, Гу Цзэ обнаружил письмо от научного руководителя. Профессор Ли ненавязчиво напоминал, что даже на больничном не стоит баклуши бить, и просил запустить код на ноутбуке.

«... Если я ничего не путаю, моих публикаций уже с лихвой хватает на защиту. Этот выжиматель соков верен себе всегда и во всём».

Гу Цзэ устроился на кровати ничком, уткнувшись в ноутбук. Но вскоре от долгого лежания на животе давило грудь. Он встал, попытался работать стоя, но быстро затекли ноги. Одно мучение!

Пока он переминался с ноги на ногу, пытаясь размять затекшие мышцы, звякнул телефон. Сообщение от Бай Шияня: «Приеду на перевязку в 12:30».

Ровно в полпервого Бай Шиянь действительно переступил порог.

Гу Цзэ произнёс с максимальной искренностью:

— Правда, не стоит так рваться, если завал на работе. Я слышал, ты сейчас из сил выбиваешься.

— В бригаде один из врачей в отпуске, — Бай Шиянь расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. — Нагрузка выше обычной.

— Э-э... — Гу Цзэ смутился и сдуру ляпнул: — Да ты не обязан мне отчитываться.

Воздух в комнате мгновенно сделался свинцовым.

Лицо Бай Шияня обледенело ещё сильнее.

Гу Цзэ понял, что сморозил глупость, и спохватился:

— Забудь, проехали.

— Ты остался точно таким же, — отрезал хирург. — Как не умел выбирать выражения, так и не научился.

Гу Цзэ проглотил язык.

Закончив обработку раны, Бай Шиянь быстро ушёл.

Вскоре пиликнул мессенджер — написал Чжан Чангун. Ещё после операции он спрашивал, почему Гу Цзэ не ночует в общежитии, на что тот ответил, дескать, взял отгулы. Теперь сокурсник снова объявился с расспросами:

«Слушай, а чё у тебя за отпуск такой бесконечный? Наш руководитель Ли вдруг решил совершить утреннее чудо и подписал заявление? Помнится, я чуть пневмонию от кашля не схватил, а он меня в маске за лабораторный стол усадил!»

Гу Цзэ горестно вздохнул. Операция на проктологии — это вам не сопلي с кашлем, тут муки совсем иного порядка.

Цзэ: «Мне ещё недели три дома сидеть».

Чангун: «!!!»

Чангун: «Нифига себе! Раскрой секрет, как ты выбил такой отпуск? Я тоже хочу на покой, реально, у меня от профессора Ли уже вьетнамские флешбеки!»

Цзэ: «... Поверь, ты этого не хочешь».

Чангун: «Хочу, ещё как хочу!»

Гу Цзэ ничего не оставалось, кроме как сознаться:

Цзэ: «Под нож лёг».

Чангун: «???»

Чангун: «Тебя что, кто-то отпинал?!»

Гу Цзэ вздохнул: лучше бы его действительно кто-нибудь отпинал.

Цзэ: «Да нет, операция рядовая. Вроде аппендицита по частоте. Сейчас восстанавливаюсь».

Чангун: «Ого! Ну ты как сам? За тобой хоть есть кому ухаживать? Может, приехать, помочь чем?»

Чжан Чангун знал, что у Гу Цзэ с семьёй всё непросто.

На Гу Цзэ накатила тоска, и ему до зарезу требовалось кому-нибудь выговориться. Наконец-то появился подходящий слушатель.

Цзэ: «... Ну, скажем так, уход есть».

Чангун: «А у тебя в городе Б разве ещё кто-то из знакомых остался?»

Цзэ: «Ещё кое-кто. Правда, другом его вряд ли назовёшь».

Чангун: «Это кто ещё?»

Цзэ: «Бывший».

Чангун: «!!!»

Чангун: «Серьёзно, бывший?! У тебя был парняга, а я даже не в курсе?!»

Цзэ: «Был. Короче, пересеклись с ним в больнице».

Чангун: «И чё, он тоже там лежал, что ли?»

Вспомнив реальное положение дел, Гу Цзэ окончательно пал духом и махнул рукой:

Цзэ: «Хуже. Он там врачом работает».

После этого он вкратце обрисовал историю их встречи с Бай Шиянем.

Чжан Чангун прислал целую портянку с «ахахах», заявив, что ситуация просто орная и достойная комедии.

Цзэ: «Ты даже не представляешь, как я сгорал от стыда!»

Чангун: «Жаль, меня рядом не было! Такое историческое событие надо было на камеру снимать!»

Чангун: «Кстати, твой бывший — ведущий нейрохирург? Вот это кадр! Перспективный мужик, не то что наш сосед Линь Линьчжи. Теперь понятно, почему ты Линя отшил!»

В их мужском общежитии к геям относились спокойно, благо в корпусе пара открытых пар проживало.

Просто Гу Цзэ не афишировал свою ориентацию, и о ней знали лишь самые близкие.

Линь Линьчжи как раз входил в этот круг: они учились у одного научника и жили по соседству. Воспользовавшись близостью, Линь пытался подбивать к Гу Цзэ клинья, но получил отворот-поворот.

Чангун: «По-моему, у вас с бывшим ещё не всё потеряно. Столько лет прошло, а он сам за тобой ухаживает!»

Чангун: «А вдруг он до сих пор по тебе сохнет? Если чувства взаимные, хорош майнить драму, сходитесь обратно и не ебите друг другу мозги!»

Гу Цзэ сглотнул горькую слюну и отпечатал:

Цзэ: «Без вариантов».

Бай Шиянь — человек гордый. С чего бы ему подбирать брошенную ранетку? Тем более после тех жестоких слов, что Гу Цзэ выпалил при расставании.

Однако Чангуну он написал совсем другое:

Цзэ: «Умная лошадь назад не оглядывается. Воссоединение с бывшим — это как сожрать собственную тошнотину».

Цзэ: «Я человек разумный, на такую дичь не подпишусь».

Чангун: «Ну, раз ты так настроен... молчу-молчу».

Чангун: «Смотри только, чтоб потом переобуваться на ходу не пришлось».

Гу Цзэ ходил по тонкому льду, но изо всех сил старался держать фасон:

Цзэ: «Да ни в жизни! Я слов на ветер не бросаю».

Он уж точно никогда снова не сойдётся с Бай Шиянем... Наверное.

<http://bllate.org/book/20425/2111921>